

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ОБЩИНЫ В ТУРЦИИ

М. В. ШКАРОВСКИЙ

Статья посвящена истории русских церковных общин в Османской империи и Турции. Первые русские церкви были устроены в этой стране в начале XIX в., но главное внимание в статье уделено периоду после 1917 г., когда Турцию захлестнула более чем 200-тысячная волна русской белой эмиграции. Правда, вскоре почти все эмигранты переехали в другие страны, но некоторое время Константинополь (Стамбул) фактически являлся главным русским церковным центром за границей. Дальнейшая судьба русских православных общин в Турции была очень нелегкой, они одна за другой постепенно прекращали свое существование, особенно после окончания Второй мировой войны. Однако в последнее время русская церковная жизнь в районе Стамбула начала возрождаться.

Деятельность Русской Православной Церкви в Османской империи и Турции имеет двухвековую историю. Только в Константинополе (Стамбуле) и окрестностях к началу XX в. существовало семь русских храмов. В пригородном районе столицы Буюк-Дер в XVIII в. было открыто первое российское дипломатическое представительство в Османской империи. В 1818 г. в его здании на втором этаже деревянного флигеля посольской канцелярии был устроен небольшой храм свв. равноап. Константина и Елены. В 1867 г. этот дом, ставший к тому времени загородной резиденцией посольства, перестроили, и храм освятили вновь. Следующая церковь — свт. Николая Чудотворца — была устроена и освящена в 1845 г. на верхнем (третьем) этаже нового здания российского посольства в Пере.

В 1875–1876 гг. была построена русская Никольская больница в квартале Панджалди, и при ней в 1876 г. устроена и освящена церковь свт. Николая Чудотворца в отдельном, довольно большом каменном здании византийского стиля. Она являлась приходским храмом небольшой русской колонии в Константинополе, сложившейся к началу XX в. и состоявшей преимущественно из состоятельных людей. В местечке Сан-Стефано, в 17 км от города, в 1894–1898 гг. был построен большой каменный храм в московском стиле XVII в. (по проекту архитектора В. В. Суслова). В крипте храма погребли останки 20 тыс. русских воинов, погибших в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1914 г. турецкие власти закрыли эту церковь и в 1916 г. взорвали.

Кроме того, в Константинополе в квартале Галата имелись три церкви при подворьях русских афонских обителей. В 1880-е гг. было построено здание под-

ворья Свято-Пантелеимоновского монастыря, на верхнем (пятом) этаже которого в 1898 г. устроили и освятили храм св. великомуч. Пантелеимона. Рядом с Пантелеимоновским подворьем на верхнем этаже странноприимницы Свято-Ильинского скита в 1880-е гг. была освящена церковь св. прор. Илии. В 1888—1890 гг. в Галате построили многоэтажное здание подворья Свято-Андреевского скита, на верхнем этаже которого освятили церковь св. ап. Андрея Первозванного. Учрежденное в 1896 г. Братство русских обителей (келлий) на Афоне вскоре на свои средства приобрело дом, где устроило школу для детей беднейших русских жителей Константинополя, в которой ежегодно обучалось около 100 детей. В годы Первой мировой войны все подворские храмы были закрыты, имущество частично расхищено, некоторые монахи интернированы, но вскоре после капитуляции Османской империи, в конце 1918 г., эти храмы открылись вновь¹.

Проживавший в 1919 г. на одном из подворий митрополит Евлогий (Георгиевский) позднее вспоминал: «Мы остановились на Галатее, на Подворье Афонского Андреевского монастыря. Заведовал им о. Софроний, чудный старец, который заботливо за нами ухаживал и старался залечить и наши духовные раны. Помещение Подворья во время войны отобрали под казармы турецких солдат, они привели его в крайне антисанитарное состояние: вонь, скользкие грязные стены, в щелях клопы, тучи москитов от сырости, которая развелась вследствие отсутствия за эти годы отопления»².

Также следует отметить, что в Константинополе с 1894 г. существовал Русский археологический институт — единственное российское научное гуманитарное учреждение за границей до Октябрьской революции. Институт активно занимался церковной археологией и был закрыт турецкими властями 16 октября 1914 г., а его богатейшие коллекции и обширный архив удалось частично вывезти в Россию.

Благодаря своему географическому положению Турция стала главной страной первоначального прибежища русских эмигрантов. В результате пяти массовых эвакуаций — из Одессы в апреле 1919 г. и январе-феврале 1920 г., из Новороссии в марте 1920 г., с Крымского полуострова в ноябре 1920 г. и из Батуми весной 1921 г. (после падения меньшевистского режима в Грузии) — в зоне черноморских проливов сложился крупнейший за рубежом район концентрации русских эмигрантов. В начале 1920-х гг. только в Константинополе и окрестностях было сосредоточено около 200 тыс. беженцев из России, а на всей оккупированной войсками Антанты турецкой территории, включая полуостров Галлиполи (Гелиболу), побережье и острова Мраморного моря, по подсчетам некоторых историков, — до 250 тыс.³

¹ См.: Русские храмы и обители в Европе / Авт.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак. СПб., Лики России, 2005. С. 208—210, 354—358; *Варсонофий, епископ Саранский и Мордовский*. Соч.: В 5 т. Т. 3: Афон в жизни Русской Православной Церкви в XIX — начале XX в. Саранск, 1995. С. 119.

² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий: Издательский отдел Всецерковного Православного Молодежного Движения, 1994 (Материалы по истории Церкви; Кн. 3). С. 315.

³ *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971. С. 42; *Паев М.* Россия за рубежом.

На основании решений Севрского мирного договора Турция потеряла контроль над своей бывшей столицей и несколько лет находилась под международным протекторатом. Поэтому официальные турецкие власти в Анкаре первоначально не занимались делами русских беженцев.

В середине ноября 1920 г. в Константинополь приплыли из Крыма на 126 кораблях, по данным командующего армией генерала П. Н. Врангеля, 145 693 человека (без экипажей судов), из них около 40 тыс. составляли гражданские лица; по британским данным, прибыли 148 678 человек, а по сведениям советской разведки — 86 тыс. военных и 60 тыс. гражданских лиц. В конце 1920 г. Главное регистрационное бюро в Константинополе зарегистрировало в своей картотеке 190 тыс. имен беженцев⁴. По требованию англичан, видевших в русских войсках потенциальную угрозу своему господству над проливами, армейские части вскоре были удалены из самого Константинополя и размещены в конце ноября — декабре в трех основных местах: 1-й армейский корпус генерала А. П. Кутепова численностью 29 тыс. человек — в двух лагерях в районе г. Галлиполи; Донской корпус генерала Ф. Ф. Абрамова численностью 19—20 тыс. — в четырех лагерях в районе Чаталджи; Кубанский казачий корпус генерала М. А. Фостикова также численностью около 20 тыс. — в лагерях на острове Лемнос и в г. Мудрос.

Наиболее известными стали галлиполийские лагеря, здесь поддерживалась строгая военная дисциплина, существовало несколько полковых и корпусная походные церкви. В дальнейшем под давлением французов и англичан в течение полутора лет эти части были переведены в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев (Югославию), последние 120 галлиполийцев оставили свой лагерь в мае 1923 г.⁵

16 июля 1921 г. на русском военном кладбище вблизи Галлиполи, где было погребено около 500 воинов и членов их семей, состоялось открытие памятника, возведенного самими галлиполийцами по проекту подпоручика Н. Н. Акатьева. На его сооружение ушло около 20 тыс. камней (по призыву А. П. Кутепова каждый солдат принес по одному камню), которые сложили в виде увенчанного мраморным крестом шатрового каменного сооружения, напоминавшего шапку Мономаха или древний курган «в римско-сирийском стиле». На фронтоне памятника была закреплена белая мраморная доска с надписью: «Упокой, Господи, души усопших. 1-й корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный покой на чужбине в 1920—21 годах и в 1845—55 годах, и памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену»⁶.

Помимо центра русской военной эмиграции Константинополь и зона проливов некоторое время играли роль центра русской церковной эмиграции. Еще

История культуры русской эмиграции, 1917—1919. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 30; *Бутузов А. Г.* О географии русских на Балканах в XX веке // *Славяноведение*. 2004. № 5. С. 77—78.

⁴ См.: *Врангель П. Н.* Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Т. 1—2. М.: ТЕРРА, 1992, С. 433; *Спасов Л.* Врангелювата армия в България 1919—1923. София, УИ «Св. Климент Охридски», 1999. С. 63—65; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920—1940. М.: Русский путь, 2005. С. 116.

⁵ См.: *Русская военная эмиграция 20—40-х годов: Документы и материалы: В 2 т.* Т. 2. М.: Гей, 1998. С. 303—306.

⁶ *Черкашин Н., Лобыцын В.* Русский курган в Дарданеллах // *Родина*. 2008. № 3. С. 111.

весной 1919 г. сюда приехали из Одессы митрополит Одесский и Херсонский Платон (сначала проживавший на подворье Андреевского скита, а затем — в здании Болгарской экзархии), архиепископ Минский и Туровский Георгий и архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий, поселившиеся на подворье Пантелеимоновского монастыря. Именно Владыка Анастасий (Грибановский) с января 1920 г. возглавлял созданное в Константинополе Русское церковное совещание, отвечавшее за организационные вопросы работы русских храмов, а 15 октября 1920 г. Временное Высшее Церковное Управление (ВВЦУ) Юга России (образованное в Ставрополе 6 апреля 1919 г.) назначило его управляющим русских приходов Константинопольского округа на правах епархиального архиерея. В 1919–1921 гг. архиепископ Анастасий также был настоятелем храмов свт. Николая Чудотворца и свв. Константина и Елены при российском посольстве и представителем Русской Церкви при Вселенской Патриархии⁷.

В ноябре 1920 г. вместе с армией Врангеля и гражданскими беженцами в Константинополь прибыло ВВЦУ Юга России, члены которого разместились на подворьях русских афонских обителей. Как раз 20 ноября Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет издали указ № 362 о создании церковных управлений (автономных митрополичьих округов) под руководством старшего иерарха на территориях, оторванных от центрального церковного управления⁸. Он стал ключевым документом, на основании которого ВВЦУ продолжило свою деятельность за границей.

Правда, решение об этом само ВВЦУ по предложению епископа Севастопольского Вениамина (митрополит Киевский и Галицкий Антоний первоначально был против) приняло 19 ноября на состоявшемся в константинопольском порту, на пароходе «Великий князь Александр Михайлович», первом своем заседании за пределами России. На этом заседании было также подтверждено постановление ВВЦУ от 15 октября 1920 г. о назначении архиепископа Евлогия (Георгиевского) управляющим русскими церквами в Западной Европе, включая Болгарию и Румынию (за собой ВВЦУ оставляло управление русскими приходами в Турции, Греции и Королевстве сербов, хорватов и словенцев). Кроме того, митрополиту Антонию (Храповицкому) и епископу Вениамину (Федченкову) было поручено вступить в официальные контакты с Вселенской Патриархией⁹.

Русские иерархи обратились к Местоблюстителю Вселенского Патриархата митрополиту Досифею с просьбой позволить им окормлять русских воинов на землях, находившихся под его попечительством. 2 декабря при личной встрече Владыка Досифей сообщил митрополиту Антонию, что Патриархия, хорошо зная его как ревнителя святых канонов, дает согласие, чтобы русские архиереи окормляли свой народ, оставивший Родину, на канонической территории Вселенского Патриархата. Указом № 9084 от 2 декабря 1920 г. Константинопольский

⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5680. Оп. 1. Д. 128. Л. 26.

⁸ См.: *Митрофанов Г., свящ.* Православная Церковь в России и эмиграции в 1920-е годы.: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб.: Изд-во «Ноах», 1995. С. 86.

⁹ См.: *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. С. 321; *Цыпин В., прот.* История Русской Церкви: 1917–1997 // История Русской Церкви: В 9 т. М.: Изд-во Спасо-Преображенского монастыря, 1997. Т. 9. С. 555.

Синод предоставил русским архиереям определенные полномочия для регулирования церковных дел эмигрантов в области своей юрисдикции (судебные прерогативы при разводах Константинопольская Патриархия сохраняла за собой): «Вы будете озабочены посылкою им иереев, антиминов, проповедников и всего необходимого, будете посещать их лично, рассеивая увещаниями возникающие сомнения, прекращая распри, будете делать вообще все потребное, что вменяется Церковью и религией в целях утешения и ободрения упомянутых православных русских христиан». Несколько иерархов получили разрешение образовать «для пастырского обслуживания упомянутого населения временную церковную комиссию («Эпитропию») под высшим управлением Вселенской Патриархии для надзора и руководства общецерковной жизнью русских колоний в пределах православных стран, а также для русских воинов и беженцев, которые живут отдельно от остальных православных по городам и селам, лагерям и особым зданиям»¹⁰.

29 декабря митрополит Досифей писал Владыке Антонию (Храповицкому): «Под вашим руководством Константинопольская Вселенская Патриархия разрешает всякое начинание, ибо Патриархии ведомо, что Ваше Высокопреосвященство не совершит ничего неканонического»¹¹.

Среди некоторых эмигрантов, в том числе у российского посланника А. А. Нератова (назначенного в Константинополь в апреле 1920 г. правительством А. И. Деникина), указанное обращение русских архиереев вызвало определенное недоумение с точки зрения канонического права. Но, как позднее (21 мая 1921 г.) в письме Нератову объяснял архиепископ Феофан (Быстров), речь шла о непонимании того, что после переезда в Константинополь ВВЦУ оказалось на территории Вселенского Патриархата и поступило «согласно каноническим правилам и законам межцерковных отношений», так как, «естественно, было件обязано просить о благословении Вселенской патриархии, что и было сделано»¹².

Следует отметить, что митрополит Антоний (Храповицкий), согласно приведенным в обвинительном заключении следственного дела показаниям на допросе в ГПУ 30 января 1923 г. Патриарха Тихона, получил согласие на деятельность ВВЦУ за границей и от Первосвятителя Российской Церкви: «В этом же показании гр. Беллавин признал, что дал свое благословение Высшему Церковному Управлению, организованному Антонием в Константинополе»¹³.

В конце ноября 1920 г. на берегах Босфора с благословения Вселенского Патриарха состоялся первый заграничный Архиерейский Собор, который переименовал Временное Высшее Церковное Управление Юга России в Высшее Русское Церковное Управление за границей (ВРЦУ). Оно избрало Архиерейс-

¹⁰ К делу о «Всеамериканском Высшем Русском Церковном Управлении» (Следствие над архиеп. Анастасием, Александром и др.). Документы. Константинополь, 1924. С. 6–7.

¹¹ *Нафанаил (Львов), архиеп.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви: В 5 т. Т. 5. Нью-Йорк: Изд. Комитета русской православной молодежи за границей, 1995. С. 32.

¹² См.: ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 109. Л. 78–79.

¹³ О, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт; Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. С. 261.

кий Синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким), Синод являлся исполнительным органом Собора в период между его созывами. В декабре был утвержден состав ВРЦУ: председатель — митрополит Антоний, члены — митрополит Одесский и Херсонский Платон, архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (избранный заместителем председателя), архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан и епископ Севастопольский Вениамин. Также были определены границы их деятельности: забота о религиозных потребностях беженцев, забота об окормлении православного духовенства, которое вынужденно оставило Россию, руководство русскими церквями и Духовными миссиями в эмиграции в качестве легитимного представителя Священного Синода и Патриарха; обеспечение материальных интересов Русской Церкви и установление нормальных связей с Патриархом Тихоном¹⁴. 19 апреля 1921 г. состоялось последнее заседание ВРЦУ в Константинополе, и в мае оно переехало в г. Сремски Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев).

В это время в Константинополе и окрестностях 27 русских храмов обслуживали свыше 100 тыс. беженцев (самый крупный гражданский лагерь находился в Кабакдже у г. Чаталджи — 22 тыс. человек). Лишь шесть из них действовали до Первой мировой войны, остальные были устроены самими эмигрантами при русских учебных заведениях, военных лагерях, общежитиях, больницах и т. п. В ряде случаев общины возникли при греческих храмах, где русским священникам позволяли периодически совершать богослужения: в некоторых церквях Константинополя, в Кадикее и других пригородах, а также на Принцевых островах. К октябрю 1921 г. количество русских храмов вследствие закрытия военных лагерей и отъезда беженцев уменьшилось до 19¹⁵.

Очень активной была церковная жизнь в русских учебных заведениях. В 1921–1922 гг. Всероссийские союзы земств и городов содержали в Константинополе три гимназии (свыше 900 учащихся), три училища, 10 начальных школ, 9 детских садов, площадок, яслей и два детских дома; своя гимназия (имени барона П. Н. Врангеля) была и в Галлиполи (около 200 учащихся). Всего же на территории Турции, по некоторым сведениям, было создано 11 русских гимназий и прогимназий, а также 12 начальных и подготовительных школ. При многих из них, в частности при 1-й Константинопольской гимназии и основанной в июне 1920 г. женой русского посланника В. В. Нератовой Крестовоздвиженской гимназии, имелись домовые храмы. Главным воспитателем одной из русских гимназий в 1920–1921 гг. работал Ф. Ф. Раевский — будущий архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский в юрисдикции РПЦЗ Савва.

В дальнейшем довольно быстро, в течение двух лет, почти все школьные учреждения были переведены из Турции в другие страны. В конце 1923 г. в Константинополе и окрестностях остались только три русские школы — одна начальная имени баронессы О. М. Врангель (32 учащихся) и две средние: для мальчиков в Буюк-Дере (с марта 1924 г. — в Эренкее, 180 учащихся), имевшая небольшую церковь, устроенную личными стараниями воспитанников, и для девочек — на

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 109. Л. 81; *Йованович М.* Указ. соч. С. 262.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 128. Л. 19–20; *Йованович М.* Указ. соч. С. 266.

острове Протии (60 учащихся)¹⁶.

Все русские общины находились в ведении архиепископа Анастасия, который, правда, периодически покидал Константинополь. Так, летом 1921 г. он, по поручению ВРЦУ, посетил Афон и Палестину с целью ознакомления с положением афонских русских обителей и Русской Духовной миссии в Иерусалиме после войны. В ноябре 1921 г. Владыка в качестве управляющего русскими общинами Константинопольского округа принял участие в состоявшемся в Сремских Карловцах I Всеаграрничном Церковном Соборе и возглавил на нем отдел духовного возрождения.

Накопившиеся проблемы и нерешенные вопросы канонической принадлежности стали причиной того, что после переезда ВРЦУ в Сремски Карловцы временно заменивший архиепископа Анастасия епископ Севастопольский Вениамин (Федченков) созвал Цареградское Русское церковное совещание, которое начало свою продолжавшуюся около двух недель работу 22 июня 1921 г. (на открытии присутствовал П. Н. Врангель) и приняло ряд определений о перестройке церковной жизни в новых условиях¹⁷. Участники совещания решили вовлечь в свою деятельность представителя российской дипломатической миссии, чтобы предотвратить возможное вмешательство Вселенской Патриархии в русские церковные дела; образовать Епископский совет, включив в него священников и мирян, для управления русскими храмами, решения повседневных вопросов и подготовки бракоразводных дел, которые затем высылались ВРЦУ для окончательного решения. Последний вопрос и ранее вызывал затруднения, так как Вселенская Патриархия считала, что русские церковные власти не имеют права на разрешение разводов, поскольку этим вмешиваются в область ее компетенции.

Самым важным определением совещания было решение образовать церковные приходы при каждом русском храме и даже при тех греческих церквях, где русские священники получили возможность совершать свои богослужения по определенным дням. Несмотря на сопротивление посланника А. А. Нератова, который опасался, что создание русских приходов на территориях, где уже существуют греческие общины, позволит Вселенской Патриархии вмешиваться в русскую церковную жизнь, епископ Вениамин сразу же начал формировать приходы. При этом, однако, было принято предложение российского посольства о том, чтобы название «приход» было заменено словом «община», что в большей степени соответствовало сложившейся ситуации. К осени 1921 г. при двух посольских храмах, Никольской больничной церкви и десятке домовых храмов при школах, общежитиях и лагерях были сформированы советы церковных общин, в которые вошли по одному представителю российского посольства¹⁸.

Одну из таких общин, а также церковную благотворительную организацию и братство Патриарха Николая Кесарийского (21 июня 1921 г.) основал епископ

¹⁶ См.: Дети русской эмиграции (Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники) / Сост. Л. И. Петрушева / Под ред. С. Г. Блинова и М. Д. Филина. М.: ТЕРРА, 1997. С. 10–11.

¹⁷ См.: *Вениамин (Федченков)*, митр. Указ. соч. С. 326.

¹⁸ См.: ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 128. Л. 12, 17–20, 22, 26–27; *Йованович М.* Указ. соч. С. 266–267.

Царицынский Дамиан (Говоров), переехавший позднее в Болгарию¹⁹. В эту же страну со временем уехали и архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (Быстров), до 1922 г. служивший на подворьях русских афонских обителей в Константинополе, и епископ Лубенский Серафим (Соболев), некоторое время преподававший догматическое богословие в Высшей духовной школе Константинопольского Патриархата на острове Халки.

Согласно указу Местоблюстителя Вселенского Патриархата от 29 декабря 1920 г., русские общины на территории Турции имели автономный статус, и до 1924 г. состоявший из них русский Константинопольский церковный округ фактически существовал в виде самостоятельной епархии, которой руководили архиепископ Анастасий и Епископский совет. Владыке Анастасию подчинялись и общины в русских военных лагерях на греческих островах Лесбос и Лимнос; 24 апреля 1922 г. он был избран председателем объединявшего 34 общественных организации Русского комитета в Турции.

Как уже говорилось, в мае—июне 1923 г. Владыка Анастасий принял участие в проходившем в Стамбуле Всеправославном совещании, где выступил в качестве руководителя оппозиции против предложенных Вселенским Патриархом «противоречивших православной традиции» реформ. Данный конфликт резко ухудшил отношения русских общин с Константинопольским Патриархатом. После завершения Всеправославного совещания Патриарх Мелетий указал архиепископу Анастасию, что он в будущем должен помянуть за богослужением только Вселенского Патриарха. Это требование оказалось неприемлемым для архиепископа и выполнено не было²⁰.

На отношение к русским приходам повлияла и лояльная к советскому правительству политика Константинополя. 29 марта 1924 г. Владыка Анастасий получил грамоту Вселенской Патриархии, в которой русским клирикам на территории Патриархата предписывалось избегать «проявлений политического свойства, равно как возношения имен и особ, указывающих на политические упования и предпочтения и потому могущих причинить серьезный вред и в частности, и вообще». Разъясняя содержание этой грамоты, секретарь Константинопольского Синода писал, что здесь «запрещается касаться большевизма со всех точек зрения, даже как ярко выраженного антирелигиозного и антимо­рального начала, так как это могло бы набросить тень на советскую власть, признанную законной всем русским народом и Патриархом Тихоном»²¹.

Кроме того, в связи с признанием Константинопольской Патриархией обновленческого Синода в СССР, русским архиереям в Стамбуле было строго запрещено возносить имя Патриарха Тихона за богослужением и помянуть зарубежный Русский Архиерейский Синод. Архиепископы Анастасий (Грибановский) и Александр (Немоловский) отказались повиноваться этому указу. В ре-

¹⁹ См.: Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно). Т. 3. Эрланген, 1982. С. 19.

²⁰ См.: Seide G. Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland, München 1989. S. 90–91.

²¹ Граббе Г., протопр. Правда о Русской Церкви на родине и за рубежом. Джорданвилль, 1961. С. 198.

зультате Патриарх Григорий VII 31 марта назначил особую следственную комиссию из трех митрополитов по делу русских архиереев, которые, по его мнению, незаконно вторглись в область компетенции Вселенского Патриархата по окормлению эмигрантов из России, и обратился к Сербскому Патриарху Димитрию с предложением упразднить Зарубежный Русский Синод, но сочувствия не нашел. 30 апреля, ввиду отказа пребывавших в Стамбуле русских архиереев прекратить поминовение Патриарха Тихона и признать советскую власть, Константинопольский Синод запретил в служении архиепископов Анастасия Кишиневского и Александра Алеутского и Северо-Американского. В этот же день Патриарх Григорий VII заявил о неканоничности Русского Архиерейского Синода за границей: «Существование и деятельность Русского Синода в чужой церковной области... никакой канонической силы иметь не может, и... он должен как можно скорее прекратить свое существование согласно... постановлению Патриарха Тихона»²².

8 мая 1924 г. Синодальная следственная комиссия направила Владыке Анастасию угрожающее письмо: «Постановление о Вас о немедленном пресечении священнодействия и церковнодействия здесь принято... не просто на основании только что поданных против вас жалоб, но также и главным образом вследствие данных, существующих уже давно, о том, что, к сожалению, Ваше Высокопреосвященство и отчасти и Высокопреосвященнейший Архиепископ Северо-Американский Александр в церковной деятельности Вашей здесь, в архиепископии Константинопольской, превышает нормы, указанные в грамоте патриархии от 2 декабря 1920 г. за № 9084, возможной церковной деятельности Вашей здесь, как беженцев и гостей в чужой епархии архиереев.

Существует уже достаточно данных, свидетельствующих, что Ваше Высокопреосвященство, вопреки вышеупомянутой грамоте и воспрещению общего Патриаршего и Синодального циркуляра об архиереях-беженцах, который и Вы в свое время получили к сведению, действуете здесь с превышением своих прав, поступая как архиереи правящие и имеющие права власти церковной административной и судебной, что, конечно, не может быть допущено канонически, как несовместимое с Вашим положением архиереев-беженцев, гостей в чужой епархии. Известно также, что Вами или через Вас произведено много хиротоний, пострижений в монашество и т. п. Также из многократных данных удостоверено использование Вами Церкви при служениях и в проповедях для политических выступлений, несовместимых с церковным характером и по другим соображениям весьма неуместных здесь.

По этим причинам, а не просто из-за поданных только что жалоб, Священный Синод счел необходимым пресечь немедленно данное ранее Вам разрешение священнодействовать и вообще исполнять какую бы то ни было церковно-административную власть здесь, до представления Вами удовлетворительного ответа по всем пунктам обвинений, предъявленных Вам... В заключение комиссия замечает Вам, что поднятый неуместно шум для извращения сущности вопроса может составить новые элементы ответственности».

²² *Поспеловский Д. В.* Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1996. С. 234.

В результате Владыка Анастасий после Пасхи 1924 г. был вынужден покинуть Стамбул и через Францию выехал в Болгарию, где участвовал в освящении Александро-Невского собора в Софии, а потом переехал в Сремски Карловцы для участия в очередном Архиерейском Соборе. По поручению последнего архиепископ был направлен в Иерусалим (прибыл туда в декабре 1924 г.), где до 1935 г. наблюдал за деятельностью Русской Духовной миссии в Палестине²³.

В 1930-е гг. митрополит Евлогий (Георгиевский), видимо, пытаясь обелить Константинопольский Патриархат (в юрисдикции которого он тогда находился), вспоминал эти события 1924 г. следующим образом: «Епископа Анастасия только что выслали из Константинополя. Там он произносил зажигательные политические речи на Афонском подворье. Константинопольский Патриарх предостерегал его, советовал учитывать обстановку, помнить, что пользуется гостеприимством турецкой державы, но владыка Анастасий с этим предостережением не посчитался, и потому ему запретили священнослужение. Он уехал из Константинополя»²⁴.

Таким образом, в середине 1920-х гг. еще сохранившимся в Турции русским общинам пришлось признать юрисдикцию Вселенского Патриархата. Бедственное материальное и жилищное положение беженцев, прекращение французскими оккупационными властями продовольственной помощи и ультиматум турецких властей о поголовной депортации военных спровоцировали отъезд русских из зоны черноморских проливов — в основном в Королевство сербов, хорватов и словенцев и Болгарию. В конце 1921 г. в Константинополе осталось 30 тыс. русских, а в сентябре 1922 г. — 18 тыс. При этом в городе все еще было много православного духовенства, так, на 26 октября 1921 г. из 30 тыс. беженцев — 150 являлись священнослужителями²⁵.

Укрепление в Турции власти светского правительства генерала Мустафы Кемала (Ататюрка) и его сближение с Советской Россией существенно сказались на положении эмигрантов. По упоминавшемуся Лозаннскому договору 1923 г. между Турцией и европейскими государствами был урегулирован вопрос Константинополя и проливов. Они оказались демилитаризованы, а город вскоре возвращен под управление турецких властей. К началу 1924 г. в Стамбуле и его окрестностях осталось около 10 тыс. русских эмигрантов. В дальнейшем их число неуклонно сокращалось: в 1926 г. — 5 тыс., в 1928 г. — 1747, в 1934 г. — 1695, а в 1937 г. — 1200²⁶.

Это во многом было связано с постепенным ужесточением турецкой политики в отношении русских беженцев. Весной 1925 г. правительство приняло несколько декретов, на основании которых иностранцы не имели права заниматься целым рядом ремесел и профессий. Кроме того, русским эмигрантам было

²³ См.: *Цытин В., прот.* Анастасий (Грибановский), митрополит // Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 2. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 238.

²⁴ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 399.

²⁵ См.: Русские в Галлиполи: Сб. статей, посвященный пребыванию 1-го армейского корпуса русской армии в Галлиполи. Берлин: Типография Е. А. Гутнова, 1923. С. 252; *Йованович М.* Указ. соч. С. 145; *Раев М.* Указ. соч. С. 39.

²⁶ См.: *Йованович М.* Указ. соч. С. 118, 121, 122.

предписано до 1 января 1927 г. принять советское или турецкое гражданство. Протесты и вмешательство международной общественности привели лишь к продлению этого срока до августа 1927 г. Только в мае 1928 г. из-за обострившейся политической ситуации из Стамбула в Югославию переселилось 440 русских беженцев²⁷.

Быстро уменьшилось и количество церквей — сначала до прежних шести, а потом до трех — при подворьях русских афонских обителей. После установления в 1923 г. дипломатических отношений Турции с Советской Россией все здания российского посольства заняли советские дипломаты, которые сразу же закрыли церкви свт. Николая и свв. Константина и Елены (ее осквернили, устроив в ней бойлерную). В 1923 г. турецкие власти передали Советской России и здание Никольской больницы, церковь которой была закрыта через несколько лет. Впоследствии больница и храм при ней оказались проданы и позднее снесены турками²⁸.

В 1923–1925 гг. советское правительство пыталось овладеть и подворьями русских афонских обителей, но, так как они официально находились в юрисдикции Вселенского Патриарха, успеха не добилось. Монахи охотно предоставляли в своих зданиях приют беженцам, и постепенно при подворьях образовались большие русские общины (считавшие себя принадлежащими к РПЦЗ). Самой многочисленной и активной из них была община при церкви св. Илии. В 1923 г. в эту общину вошли прихожане закрытой посольской церкви свт. Николая. Настоятелем Ильинской церкви в 1920–1940-е гг. служил архимандрит Серафим (Палайда).

Настоятелем Андреевского храма с конца XIX в. по 1934 г. являлся архимандрит Софроний (Баринов), затем иеромонах Мелетий, а с 1940 г. — иеромонах Никон. В Пантелеимоновском храме весь XX в. служили монахи Свято-Пантелеимоновского монастыря. Этот храм славился своим прекрасным хором, основанным в 1925 г. музыкантом Б. Б. Разумовским. Регентом хора долгое время был художник Н. К. Перов, украсивший в 1920-е гг. стены церкви росписями. Умерших в Стамбуле русских эмигрантов хоронили на русском участке греческого кладбища в северном квартале Шили, где была построена небольшая часовня²⁹.

В конце 1929 г. турецкие власти реквизируют все три подворья и опечатали их храмы, но в 1934 г. Вселенский Патриарх сумел вернуть русским монахам их здания и богослужения возобновились. Правда, полностью опасность не была устранена. 6 октября 1935 г. архиепископ Дамиан (Говоров) писал Архиерейскому Собору в Сремских Карловцах, что в Константинополе русские церкви не ограждены от большевиков и необходима апелляция по делу их имущества к стамбульским властям Свято-Владимирского братства³⁰.

В 1939 г. была образована приходская община при Пантелеимоновской церкви, а в 1943 г. — при Андреевской. Летом 1940 г. архимандрит Серафим (Па-

²⁷ См.: *Йованович М.* Указ. соч. С. 41–42, 102.

²⁸ См.: *Русские храмы и обители в Европе.* С. 355–356.

²⁹ См.: Там же. С. 209–210, 355–356.

³⁰ См.: *The Archives of the Orthodox Church in America, Syosset (OCA Archives).* Box 1. P. 19.

лайда) был принят Константинопольским Патриархом, что обсуждалось на заседании Архиерейского Синода РПЦЗ от 22 августа³¹. После оккупации весной 1941 г. Югославии связь русских общин с Архиерейским Синодом в Белграде была надолго прервана. Только 9 декабря 1941 г. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий получил первое письмо от своей паствы из Стамбула, переданное через немецкого лютеранского священника в Белграде³².

27 июля 1942 г. Первоиерарх неканоничной автокефальной Хорватской Православной Церкви митрополит Гермоген (Максимов) сообщил архимандриту Серафиму (Палайде) о создании возглавляемой им Церкви и предложил занять пост епископа в ней, однако о. Серафим ответил отказом³³.

3 ноября 1943 г. архимандриту Серафиму были высланы постановления Венского совещания архиереев РПЦЗ (о непризнании избрания митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси) для последующей передачи Константинопольскому Патриарху Вениамину³⁴. Это оказало определенное (впрочем, непродолжительное) воздействие, в конце ноября секретарь Патриарха вызвал двух иеромонахов из русских афонских подворий и сказал им, что они пока должны воздержаться от поминания Владыки Сергия, так как обстоятельства его избрания еще не выяснены³⁵.

18 июля 1944 г. митрополит Анастасий написал Вселенскому Патриарху о неканоничности автокефальной Украинской Православной Церкви и известил о постановлении Архиерейского Синода РПЦЗ (от 10 апреля 1944 г.) не вступать в молитвенное общение со священнослужителями этой Церкви до их покаяния³⁶.

В последние годы Второй мировой войны и вскоре после ее окончания до Турции докатилась вторая волна русских беженцев. Это были как белые эмигранты, жившие до прихода советских войск на Балканах, так и советские граждане с бывших оккупированных территорий СССР. Однако большинство их задержалось в Турции недолго, опасаясь дальнейшего продвижения советских войск или победы коммунистов в гражданской войне в соседней Греции, они старались уехать подальше — в Палестину, Северную Африку или США. В этот период, в 1945–1946 гг., русская стамбульская община во главе с архимандритом Серафимом выдержала трудную борьбу за свою юрисдикционную принадлежность и все-таки фактически осталась в составе РПЦЗ³⁷.

Настоятелем Ильинской церкви со второй половины 1940-х гг. служил иеромонах Иессей (старостой был П. Дьяконов), но в 1970-е гг. приходская община РПЦЗ прекратила свое существование, и храм перестал действовать. В Андреевской церкви после войны настоятелем был сербский протоиерей Петр Хайдуков,

³¹ См.: ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 193. Л. 1.

³² См.: Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в Нью-Йорке (СА). Д. 15/41.

³³ См.: *Бурий В.* Усташе и Православье. Хрватска православна Црква. Београд, 1989. С. 194.

³⁴ См.: СА. Д. 39/43.

³⁵ См.: Там же. Д. 36/43.

³⁶ См.: Там же. Д. 42/44.

³⁷ См.: OCA Archives. Box 1. P. 27.

русская приходская община сохранялась, и, хотя она подчинялась юрисдикции Вселенского Патриарха, богослужения велись на церковнославянском языке. Церковь св. Пантелеимона весь послевоенный период, вплоть до настоящего времени, оставалась и остается подворским храмом русского Свято-Пантелеимоновского монастыря в юрисдикции Константинопольского Патриарха (современный адрес: Ходья Тахсин, 19)³⁸.

До конца 1930-х гг. за русским памятником в Галлиполи ухаживал один из местных жителей, но в 1949 г. «русский курган» был разрушен землетрясением, и к 1990-м гг. от него остался лишь мраморный блок цоколя. В 2004 г. Центру национальной славы фонда Всехвального апостола Андрея Первозванного при поддержке российского посла в Турции удалось получить разрешение турецких властей на восстановление памятника. Был выделен участок земли под строительство мемориального центра, состоящего из самого памятника и небольшого музейного павильона. Также планируется создание «Музея российской воинской славы» в сохранившемся здании штаба 1-го армейского корпуса.

10 января 2008 г. в Галлиполи состоялась закладка восстанавливаемого памятника чинам Русской армии и всем русским людям, скончавшимся в галлиполийском лагере в 1920–1921 гг. Памятник воссоздавался в первоначальном виде, точно таким, каким был раньше, недалеко от места бывшего русского военного кладбища. В проекте принимает активное участие Западно-европейская епархия Русской Православной Церкви за границей — епископ Женевский и Западно-европейский Михаил является членом Попечительского совета программы Центра национальной славы России по восстановлению памятника в Галлиполи³⁹.

С 16 по 18 мая 2008 г. в Галлиполи находилась еще одна российская делегация, прибывшая для открытия и освящения памятника. К этим дням по инициативе А. П. Григорьева была написана икона святителя Николая (покровителя Белого движения) с надписью: «Доблестным Галлиполийцам — героям Белого Движения и всем воинам, на поле брани за Родину живот свой положившим, в смуте умученным и убиенным и в мире скончавшимся Вечная Память! Слава и честь Рыцарям Галлиполийцам! Навсегда Вы наша гордость! Дети. Внуки. Правнуки. Потомки Галлиполийцев».

В послании епископа Женевского и Западно-Европейского Михаила, прочитанном в день открытия памятника, говорилось: «Это событие исключительной важности совершилось в самых благоприятных условиях и стало великим торжеством. Важность и исключительность восстановления совершенно исчезнувшего с лица земли Галлиполийского кладбища состоит в том, что в самое нужное для России и для зарубежья время вновь заключается акт полного примирения — уже в плане историческом: современная Россия признает как свою Россию зарубежную, принимая в свое сердце подвиг тех, кто с достоинством, выехав на чужбину, обеспечил существование Русского предания для будущих поколений, для своих потомков, а сегодня — и для самой России. Их духовно-

³⁸ См.: *Бурий В.* Указ. соч. С. 209–210, 356.

³⁹ См.: *Черкашин Н., Лобыцын В.* Указ. соч. С. 112.

нравственный подвиг принес свои плоды, и Россия сегодня его также принимает⁴⁰.

С 1990-х гг. в Турции быстро стало расти число постоянно проживающих в этой стране православных россиян. На территории генерального консульства Российской Федерации в стамбульском районе Буюк-Дере сохранился храм свв. равноап. Константина и Елены, и в 2005–2006 гг. Московская Патриархия восстановила его в первоначальном виде. Правда, так называемый архимандритский домик поблизости, в котором жил архимандрит Антонин (Капустин), ставший впоследствии известным благодаря трудам в Русской Духовной миссии в Палестине, был практически разрушен, и от него остались одни развалины⁴¹. Таким образом, русская церковная жизнь в Турции постепенно начала возрождаться.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, эмиграция, Турция, Константинополь.

RUSSIAN CONGREGATIONS IN TURKEY

M. V. SHKAROVSKY

The article covers the story of Russian orthodox congregations in the Ottoman Empire and Turkey. The first Russian churches were established in this country in the beginning of the XIX-th. The author focused main attention on the period after 1917, when Turkey was overflowed with more than the 200-thousand wave of the Russian white emigration. Subsequently almost all emigrants removed to other countries, but for some time Constantinople (Istanbul) actually was the main Russian church center abroad. The further destiny of Russian orthodox communities in Turkey was very hard. After the Second World War they, one by one, gradually ceased to exist. Recently Russian church life has begun reviving in the suburbs of Istanbul.

Keywords: the Russian Orthodox Church, emigration, Turkey, Constantinople.

⁴⁰ Послание епископа Женевского и Западно-европейского Михаила от 16 мая 2008 г. (http://www.diocesedegeneve.net/cgi-bin/pg-newspro.cgi?id_news=139)

⁴¹ *Марк, епископ Егорьевский.* Возвращение в Константинополь // Православный паломник. М., 2005. № 2. С. 32–33.